

Бирюк

ОТ **ТОМ**, что потонул Федор Громов по кличке Бирюк, мы, проработавшие день в лесу, узнали только в поселке от тетки Полохолы, работавшей в лесопункте рассыльной.

— Соко-олов! — закричала она на всю станцию, когда из вагончиков высыпали рабочие. — Соко-олов?!

— Ну, чего тебе? — хмуро спросил тот, подойдя к стоявшей в стороне от тянувшихся к поселку деревянных мостков Полохоло. — Чего горло дерешь?

— А то и деру, что обрадовать хочу, — охотно затараторила она, поглядывая па рабочих. — Работаете, а не знаете, что Генка твой сегодня чуть не потоп... Да не пугайся ты, не пугайся, живой он, сама видела, дома сидит. А и нотой бы, как есть потоп, если бы не Бирюк. Ежели бы не он, — она махнула рукой, огляделась и, явно довольная тем, что произвела впечатление, что слушают, зачастила:

— Полошу я, значит, в обед белье на реке. Как раз напротив шпалорезки. Полошу, значит, а в заводи пацаны и Генка твой на плотках катаются, в каких-то там пиратов играют. Полошу я, значит, вдруг слышу — бултых! Глянула я и обмерла. Генка твой в воде руками машет и тонет, тонет, а его к мосту течением песет, несет... Я как заголосою на весь поселок. Бежать хочу, а двинуться не могу. Стою, ору. Вдруг, вижу, едет по мосту на своей телеге Бирюк. Услыхал он мой крик, как вертанется, как схватит круг спасательный, что на столбе висел, как бросит. Генка-то твой к кругу, а круг течением отнесло... Ну, думаю, — Полохола округлила глаза, — пропал парень. А Бирюк с моста шаст, да круг-то твоему Генке толкает, тот за круг цап и выплыл... Живой он.

— А Бирюк?

Бирюк-то? Бирюк потоп, — она зевнула. — Как под воду ушел, так и не вышел. Его ищут уже.

Как потонул? Ты чего? — сдавленно спросил кто-то.

— Здравсте! — Полохола дернула плечами. Как тонут, не знаешь?

Наступило молчание.

Федора Громов не любили и считали человеком ненужным, хотя он за все время жизни в поселке никогда и никому не сказал и не сделал ничего плохого. Странно, но если бы меня, да и любого жителя поселка спросили: «За что?», пожали бы плечами, промямлили что-нибудь маловразумительное о сердце, которому не прикажешь, что просто не лежит душа или еще что-нибудь в этом роде.

Он жил один. Почему один и был ли женат, об этом не знали даже всеведущие

старухи. Изба его, с виду такая же угрюмая и громадная, как и он сам, стояла на самом людном месте поселка, у магазина. При встречах, на «здравствуйте», он молча кивал, на людях бывал очень редко, в разговоры не вступал, не пил, не курил — жил какой-то своей, непонятной общительному поселковому народу жизнью. И лишь только Петька Бурячок, весельчак и пропойца, прославившийся тем, что как-то по пьяному делу долго и добросовестно дубасил ни в чем не повинный в его житейских делах столб, общался с Бирюком и даже заходил в гости. Но это знакомство поселковый народ отнес на непреходящее желание Бурячка выпить за чужой счет.

— Не верится, чтоб такой мужик да потонул, протянул кто-то. — Да он!..

Я вспомнил, как в один из праздничных дней порядком подвыпивший Михаил Стуков, которого, как поговаривали мужики, и оглоблей с ног не собьешь, сказал вышедшему на крыльцо магазина Бирюку:

— Ты! Бирюк! Скажи мне, вальщику высшего класса, на кой хрен ты живешь? Не пьешь, не куришь, бабы не имеешь да еще и симулируешь — с такой рожей в водовозы подался. Эка работа — водички налить да по заведениям развезти. Не-ет, ты скажи, раз тебя рабочий человек просит...

Скажи, — навязчиво и явно напрашиваясь на скандал, потребовал он, хватая собравшегося уходить Бирюка за рукав.

Бирюк отбросил его руку, посмотрел и, коротко размахнувшись, выбил дно у стоящей рядом с крыльцом пивной бочки...

— Может, судорога?

— Что за шум, а драки нет?! — весело спросил подошедший Бурячок, относивший точить цепи. — Что за митинг?

— Бирюк потонул, — хмуро уронил кто-то.

— Как потонул? — заморгал Бурячок.

— Да так. Вон, Полохола рассказала.

— А и до берега-то совсем ничего было, — охотно заговорила та. — Я уж и сама...

— Видно, судороги. Что же еще... — перебил кто-то.

Бурячок растерянно оглядел всех и, видимо, поверив,

глухо уронил:

— Он плавать не умел.

— Как не умел?!

— Не знаю. Он мне сам говорил. Тогда, когда у него сердце по кому-то болело.